

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

Франсуаза Саган

Слезинка в красном вине

Франсуаза Саган

Лунного солнца в холодной воде

Рэй Брэдбери

Летнее утро, летняя ночь

Рэй Брэдбери

Лекарство от меланхолии

Гастон Леру

Призрак Оперы

Антуан де Сент-Экзюпери

Маленький принц

ФРАНСУЗА
САГАН

*Любите ли вы
Брамса?*

Москва
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С13

Françoise Sagan
AIMEZ-VOUS BRAHMS...
© Editions Julliard, Paris 1968

Перевод с французского *Н. Жарковой*
Дизайн и оформление серии *Е. Анисиной*

Саган, Франсуаза.

С13 Любите ли вы Брамса?: [роман] / Франсуаза Саган ; [пер. с фр. Н. Жарковой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 192 с. — (Книга в сумочку).

ISBN 978-5-699-92123-2

Книга-легенда. Написанная в 1959 году, она не потеряла очарования и сегодня. Ведь и сегодня, как и во все времена, каждая женщина мечтает о любви — настоящей, с которой забываешь обо всем, в которую бросаешься с головой, словно в омут. С которой не важны ни условности, ни чужое мнение. Снятый по этому роману фильм с Ингрид Бергман, Ивом Монтаном и Энтони Перкинсом стал культовым, удостоился премии Каннского фестиваля за лучшую мужскую роль.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Жаркова Н., перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-92123-2

Глава 1

Приблизив лицо к зеркалу, Польша неторопливо пересчитывала, как пересчитываю́т поражения, пометы времени, накопившиеся к тридцати девяти годам, не испытывая ни ужаса, ни горечи, неизбежных в таких случаях, напротив — с каким-то полурассеянным спокойствием. Как будто эта живая кожа, которую слегка оттягивали два пальца, чтобы обозначилась морщинка, чтобы проступила тень, принадлежала кому-то другому, другой Польша, страстно заботившейся о своей красоте и нелегко переходившей из категории молодых женщин в категорию женщин молодых, — и эту Польша она узнавала с трудом. Она остановилась перед зеркалом, просто чтобы убить время, и вдруг ей открылось — при этой мысли она даже улыбнулась, — что именно время-то и сжигает ее на медленном огне, убивает исподволь, обрушиваясь на

тот облик, который, как она знала, нравился многим.

Роже собирался прийти к девяти часам: сейчас семь — значит, времени у нее достаточно. Достаточно времени, чтобы вытянуться на постели, закрыть глаза, не думать ни о чем. Дать себе роздых. Дать ослабнуть напряжению. Но о чем же она так страстно, до изнеможения думала весь этот день, если к вечеру ей необходимо отдохнуть от своих мыслей? Ей была хорошо знакома эта беспоконная апатия, которая гнала ее из комнаты в комнату, от окна к окну. Так бывало в детстве, в дождливые дни.

Она вошла в ванную комнату, нагнулась, попробовала, достаточно ли теплая вода, и жест этот сразу же напомнил ей другое... Было это лет пятнадцать назад. Она была с Марком, они во второй раз проводили вместе каникулы, и уже тогда она чувствовала, что это ненадолго. Они шли на паруснике Марка, парус бился по ветру, как беспокойное сердце. Ей было двадцать пять. И внезапно ее затопило счастье, она принимала весь

Любите ли вы Брамса?

мир, все в своей жизни принимала, поняв, словно в каком-то озарении, что все хорошо. И, желая скрыть сияющее лицо, она перегнулась через борт и окунула пальцы в быстрые струйки воды. Маленький парусник накренился, Марк кинул на нее невыразительный взгляд — только он один умел так смотреть, — и сразу же на смену счастью пришла ироническая усмешка. Разумеется, она и после бывала счастлива с другими или благодаря другим, но ни разу таким полным счастьем, которое ни с чем не сравнимо. Но со временем воспоминание об этой минуте перестало радовать — превратилось как бы в память о нарушенном обещании...

* * *

Роже придет, она ему все объяснит, попытается объяснить. Он скажет: «А как же иначе» — с тем удовлетворением, какое он испытывал всякий раз, когда ему удавалось уличить жизнь в передержках, и тогда он, чуть не ликуя, пускался рассуждать о бес-

смысленности существования, об упрямом желании его длить. Только у него все это восполняется неистребимым жизнелюбием, несокрушимым аппетитом к жизни, и в глубине души он доволен, что существует на свете, и расстается он с этим чувством, только когда засыпает. Он и засыпал сразу, положив ладонь на сердце, даже во сне, как в часы бодрствования, прислушиваясь к биению своей жизни. Нет, не сможет она втолковать Роже, что она устала, что по горло сыта этой свободой, ставшей законом их отношений, этой свободой, которой пользуется лишь он один, а для нее она оборачивается одиночеством; не сможет Поль сказать ему, что порой чувствует себя одной из тех ненасытных собственниц, которых он так ненавидит... Вдруг ее пустая квартира показалась ей пугающе унылой, ненужной.

В девять позвонил Роже, и, открывая ему, увидев в проеме двери его улыбающееся лицо, его, пожалуй, чересчур крупную фигуру, она в который раз покорно подумала, что,

Любите ли вы Брамса?

видно, это ее судьба и что она его любит. Он обнял ее.

— Как ты мило оделась... А я соскучился по тебе. Ты одна?

— Да. Входи.

«Ты одна?..» А что бы он стал делать, если бы она ответила: «Нет, не одна, ты пришел некстати»? Но за шесть лет она ни разу не сказала ему этих слов. Он не забывал ее об этом спрашивать, иногда даже извинялся, что беспокоил, — просто из хитрости, за которую она упрекала его про себя больше даже, чем за его непостоянство. (Он не желал даже допускать мысли, что виноват в ее одиночестве и в том, что она несчастна.) Она улыбнулась ему. Он откупорил бутылку, налил два стакана, сел.

— Присядь, Польш. Где мы будем обедать?

Она села возле него. Вид у него был усталый, у нее тоже. Он взял ее руку, пожал.

— Я совсем погряз в разных трудностях, — сказал он. — Все идет по-дурачки, кругом одни болваны, растяпы, просто даже невероятно. Эх, пожить бы в деревне!

Она рассмеялась.

— Ты бы там соскучился без Кэ-де-Берси, без своих складов, грузовиков. И без ночных шатаний по Парижу...

При последних словах он тихо рассмеялся, потянулся всем телом и устало откинулся на спинку дивана. Она не обернулась. Она смотрела на свою руку, лежавшую на его широкой ладони. Все она знала в нем: густые волосы, начинавшие расти низко, чуть ли не с половины лба, любое выражение выпуклых голубых глаз, складку губ. Знала его наизусть.

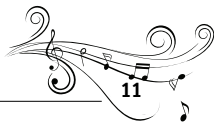
— Кстати, — проговорил он, — кстати, о моих безумных ночах. Меня тут на днях забрали в полицию, как мальчишку, я подрался с одним типом... Это в мои-то сорок лет... В полицию, представляешь?

— А почему ты дрался?

— Не помню уж. Ему здорово досталось.

И он вскочил на ноги, как будто воспоминание об этой схватке воодушевило его.

— Знаю, куда мы пойдём, — объявил он. — В «Пьемонтта». А после потанцуем.

Если, конечно, ты согласишься признать, что я танцую.

— Ты не танцуешь. Ты просто ходишь, — сказала Польша.

— Не все придерживаются такого мнения.

— Если ты имеешь в виду тех бедняжек, которые на тебя молятся, тогда ты, конечно, права, — заметила Польша.

Оба расхохотались. Мимолетные похождения Роже были любимым предметом их шуток. Прежде чем взяться за перила лестницы, Польша прислонилась на минутку к стене. Она вдруг упала духом.

В машине Роже она рассеянно включила радио. В мертвенном свете щитка приемника она на секунду увидела свою кисть, длинную и выхоленную. Под кожей шли жилки, подбираясь к пальцам, сплетаясь в беспорядочный рисунок. «Наподобие моей жизни», — подумала она, но тут же решила, что подобия нет. У нее — ремесло, которое она любит, прошлое, о котором она не жалеет, добрые друзья. И прочная связь. Она повернулась к Роже.

— Сколько уж раз я включала в машине радио, отправляясь с тобой обедать?

— Не знаю.

Он искоса взглянул на нее. Наперекор прошедшим годам и уверенности, что она его любит, он был до сих пор до странности чувствителен к ее настроениям, был вечно начеку. Словно в первые месяцы... Она начала было свое обычное: «Помнишь?» — но тут же спохватилась, решив сегодня вечером не распускаться, чтобы не впасть в излишнюю сентиментальность.

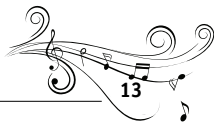
— Тебе это кажется банальным?

— Нет, я сама себе порой кажусь банальной.

Он протянул к ней руку, она обхватила ее ладонями. Вел он машину быстро, знакомые улицы поспешно стлались под колеса. Париж поблескивал под осенним дождем. Он засмеялся.

— Вот я думаю, почему я вожу так быстро. По-моему, просто стараюсь разыграть из себя молодого человека.

Она не ответила. Сколько она его знала, он всегда старался показать, что он молодой человек, — он и был «молодым человеком»!

Только недавно он признался ей в этом, и его признание даже испугало Поль. Все страшнее становилась для нее роль поверенной, в которую она исподволь втянулась во имя взаимного понимания, во имя любви. Он был ее жизнью, хотя и забывал об этом, и она сама помогала ему забывать с весьма достохвальной скромностью.

Они спокойно обедали, разговор шел о затруднениях, которые испытывали тогда транспортные агентства, такие, как у Роже; потом она рассказала ему две-три забавные истории о магазинах, где работала декораторшей. Одна клиентка от Фата категорически потребовала, чтобы Поль занялась ее квартирой. Американка, и довольно богатая.

— Ван ден Беш? — переспросил Роже. — Постой-ка, припоминаю. Ах да...

Поль вопросительно приподняла брови. Вид у него был беззаботный, как всегда при воспоминаниях определенного рода.

— Я ее в свое время знал. Боюсь, что еще до войны. Она целые дни торчала в кафе «Флоранс».

— С тех пор она успела выйти замуж, развестись и так далее и тому подобное.

— Да-да, — мечтательно произнес он. — Ее звали, как же ее звали...

Поль почувствовала раздражение. Ей вдруг захотелось воткнуть вилку в его раскрытую ладонь.

— Как ее звали, меня не интересует, — сказала Поль. — Думаю, у нее достаточно денег и ни капли вкуса. Как раз то, что мне требуется, чтобы существовать.

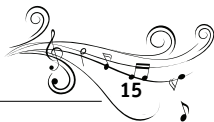
— А сколько ей сейчас лет?

— Шестой десяток пошел, — холодно ответила Поль и, заметив выражение его лица, рассмеялась. Он перегнулся через столик, пристально поглядел на нее.

— Страшно с тобой, Поль. Тебе лишь бы меня унижить. Но все равно я тебя люблю, хоть и не следовало бы.

Ему нравилось разыгрывать из себя жертву. Поль вздохнула.

— Как бы то ни было, завтра я пойду к ней на авеню Клебер. Мне просто до зарезу нужны деньги. Да и тебе тоже, — живо

добавила она, увидев, что он протестующе поднял руку.

— Поговорим о чем-нибудь другом, — предложил он. — Давай лучше потанцуем.

В ночном ресторане они сели за маленький столик далеко от танцевальной площадки и молча смотрели, как мелькают бледные лица танцующих. Она положила свою ладонь на его руку, она чувствовала себя под его крылом, она так к нему привыкла. Потребовалось бы слишком много усилий, чтобы так же хорошо узнать кого-нибудь другого, и в этой уверенности она черпала невеселое счастье. Они пошли танцевать. Он крепко обхватил ее талию, закружил по площадке наперекор ритму, и видно было, что он очень собой доволен. Она была счастлива.

Домой они возвратились на машине. Роже проводил ее до подъезда и обнял.

— Ну, отдыхай, спи спокойно. До завтра, дорогая.

Он слегка коснулся губами ее губ и пошел обратно к машине. Она помахала ему рукой. Все чаще и чаще он предоставлял ей «спать